

Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 212–222.
Civilizational changes in Russia. 2023. P. 212–222.

Научная статья
УДК 94(47).081

ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70-Х – НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XIX В.

Денис Юрьевич Пухов

Уральский государственный лесотехнический университет,
Екатеринбург, Россия
puhovdyu@m.usfeu.ru

Аннотация. На основе статистики Пермского и Екатеринбургского окружных судов, представленной в «Обзорах Пермской губернии», в статье дается оценка уровня уральской преступности, рассматриваются ее гендерные, возрастные и сословные характеристики, основные группы уголовных правонарушений, делаются выводы об особенностях региональной криминальной обстановки в последние годы царствования Александра II.

Ключевые слова: преступность во второй половине XIX в., Пермская губерния, Урал, девиантное поведение, делинквентное поведение

Для цитирования: Пухов Д. Ю. Преступность в Пермской губернии в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. // Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 212–222.

Scientific article

CRIME IN THE PERM PROVINCE IN THE 70'S – EARLY 80'S OF THE XIXTH CENTURY

D. Yu. Pukhov

Ural State Forest Engineering University,
Yekaterinburg, Russia
puhovdyu@m.usfeu.ru

Abstract. Based on the statistics of the Perm and Yekaterinburg district courts, presented in the “Reviews of the Perm province”, the article assesses the level of Ural crime, examines its gender, age and class characteristics, the main groups of criminal offenses, draws conclusions about the features of the regional criminal situation in the last years of the reign Alexander II.

© Пухов Д. Ю., 2023

Keywords: crime in the second half of the 19th century, Perm province, Urals, deviant behavior, delinquent behavior

For citation: Pukhov D. Y. Crime in the Perm province in the 70's – early 80's of the XIXth century // Civilizational changes in Russia. 2023. P. 212–222.

Исследования девиантного поведения, в частности криминальной активности, являются одним из сформировавшихся тематических направлений научной работы в рамках новой социальной истории как в зарубежной, так в отечественной историографии [1, с. 47]. Важную роль в становлении проблематики эволюции преступности в современных российских исторических исследованиях сыграли работы Б. Н. Миронова, рассмотревшего динамику и факторы развития данной девиации в России в XIX – начале XX в. [2].

Специфика криминальной обстановки в различных регионах Российской империи на протяжении этого периода показана в диссертационных работах и публикациях Д. М. Шиловского, А. А. Никитина, В. Б. Безгина, А. С. Петрова, А. Г. Румянцева, В. В. Кузнецова, А. В. Данчевской, В. В. Аксарина, К. А. Зарубиной, С. В. Шевелевой и других исследователей [3–11]. В то же время эволюция делинквентного поведения в Пермской губернии изучена достаточно фрагментарно. В. А. Полищук рассмотрела особенности и динамику крестьянской преступности в 1874–1917 гг. на основе обработки описей фонда Екатеринбургского окружного суда в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) [12]. Исследователь истории мирового суда на Урале И. А. Попп обосновал вывод о существенном увеличении на протяжении 1870-х – 1880-х гг. количества уголовных дел, рассматриваемых данными учреждениями в Пермской губернии [13, с. 99]. Проблема делинквентного поведения в Екатеринбурге затронута в монографии В. П. Микитюка и О. Н. Яхно, посвященной повседневной жизни города на рубеже XIX–XX вв. [14].

Задачей данного исследования является выявление уровня преступности в Пермской губернии в 1870-х – начале 1880-х гг., а также ее гендерной, возрастной, сословной специфики и видовой структуры на основе данных «Обзоров Пермской губернии», размещенных на сайте Государственной публичной исторической библиотеки России. Общая характеристика подобных источников неоднократно давалась в научной литературе [15; 16].

Определение хронологических рамок исследования обусловлено как спецификой источниковой базы, так и концепцией эволюции дореволюционной преступности, сформулированной Б. Н. Мироновым. Наиболее ранний «Обзор», размещенный на сайте Исторической библиотеки, датируется 1870 г., что обусловило нижнюю хронологическую границу. Выбор

последнего полного года царствования Александра II (1880 г.) как верхней хронологической точки связан с выделением «консервативных» и «либеральных» периодов в истории российской преступности XIX – начала XX в., предложенным Б. Н. Мироновым и получившим распространение в более поздних работах. «Консервативные» периоды, по оценке петербургского историка, характеризуются спадом темпов роста противоправной активности, а «либеральные» – их повышением [17, с. 117–120]. Правление Александра II является примером «либерального» отрезка эволюции преступности. Полученные в результате его исследования результаты могут стать материалом для сравнения с другими выделенными периодами.

В ведомостях, прилагавшихся к «Обзорам Пермской губернии», содержались систематизированные данные о количестве приговоров и осужденных в Пермском и Екатеринбургском окружных судах [18, с. 43]¹. Данные этого источника не дают полной ежегодной информации о масштабах распространенности противоправного поведения в губернии, а лишь показывают, как правило, количество наиболее серьезных преступлений, которые стали объектом рассмотрения окружных судов. Именно такие правонарушения считаются менее латентной составляющей преступности. Анализ изменения числа подобных нарушений закона позволяет наиболее адекватно выявить тенденции эволюции криминальной обстановки в целом [17, с. 125–126]. Сведения о количестве преступлений и осужденных, а также о распределении осужденных по гендерному признаку, извлеченные из ведомостей «Обзоров Пермской губернии» рассматриваемого периода, приводятся в табл. 1.

Сведения за 1871 г. и 1873 г. не представлены в табл. 1 вследствие отсутствия электронных копий ведомости № 5 в «Обзорах» за эти годы на сайте Исторической библиотеки, в которой содержалась обобщенная информация о преступности. Помимо этого, на сайте отсутствует «Обзор» за 1872 г. В «Обзоре» за 1870 г. указано не количество дел, рассмотренных в окружных судах, которые начали функционировать в Перми и Екатеринбурге в 1874 г., а данные дореформенных правоохранительных учреждений. Очевидна несообразность и несопоставимость сведений о числе преступлений и осужденных в 1870 г. с показателями за последующие годы.

¹ Вследствие отсутствия нумерации страниц и листов в источнике, здесь и далее при ссылках на «Обзоры Пермской губернии» указываются номера страниц в соответствии с электронной нумерацией страниц на сайте Государственной публичной исторической библиотеки России. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/37962-obzor-permskoy-gubernii-po-godam-perm-1870-1916> (дата обращения: 23.01.2022).

Таблица 1

Количественные данные о преступности в Пермской губернии
в 1870–1880 гг.*

Год	Кол-во преступлений по данным «Обзоров Пермской губернии»	Скорректированное кол-во преступлений	Кол-во осужденных	Кол-во осужденных мужчин	Кол-во осужденных женщин
1870	16875	–	2747	2524	223
1874	644	892	961	922	39
1875	454	702	1226	1147	79
1876	985	1233	1065	966	99
1877	1466	1714	1633	1534	99
1878	1586	1834	1816	1663	153
1879	3183	1944	2036	1853	183
1880	1805	–	1839	1703	136

* Составлено по: Обзор Пермской губернии за [1870, 1874–1880] год. Пермь [1870, 1874–1880].

Материалы табл. 1 за 1874–1880 гг. демонстрируют тенденцию к росту всех приведенных абсолютных характеристик преступности на данном хронологическом отрезке. Сопоставление сведений за 1874 г. и 1880 г., извлеченных из источника, свидетельствует о росте количества преступлений в 2,8 раза. Сравнение числа осужденных за эти же годы показывает рост в 1,9 раза. При этом сопоставление показателей 1874 г. и 1879 г. дало бы еще более значительное увеличение количественных значений. Однако взлет статистических характеристик региональной преступности в 1879 г. с резким снижением в 1880 г. объясняется скорее спецификой функционирования правоохранительных органов, чем кратковременным ухудшением криминальной обстановки в губернии. Д. М. Шиловский на основе анализа материалов Томской губернии второй половины XIX – начала XX в. пришел к выводу о существовании практики задержки рассмотрения дел в судах с последующим массовым принятием судебных решений по накопившемуся документационному объему в течение короткого срока [3, с. 40]. Представляется вероятным, что влиянием именно этого фактора объясняются существенные перепады статистических значений в 1879–1880 гг. Если предположить, что реальное количество преступлений в 1879 г. было приблизительно равно среднему показателю относительно числа преступлений в 1878 и 1880 гг., а количество ежегодно откладывавшихся дел в 1874–1878 гг. было примерно равным, то можно выстроить скорректированный ряд показателей

преступности за данный период, представленный во втором столбце табл. 1 (данные за 1880 г. не подвергались корректировке, т. к. она возможна только после исследования динамики показателей за последующее десятилетие). В этом случае соотношение количества преступлений в 1874 и 1879 гг. будет давать рост в 2,2 раза, т. е. несколько меньший, чем при оперировании нескорректированными данными. В то же время методика корректировки количественных показателей, безусловно, обеспечивает только приближенные результаты.

Для периода с 1877 по 1880 гг. был осуществлен расчет коэффициента преступности (КП), показывающего количество преступлений на 100 тыс. человек ($КП = П \times 100\,000 / Н$, где П – общее количество преступлений; Н – численность населения). При этом в качестве значений переменной П бралось количество преступлений по статистике окружных судов. Результаты вычислений представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели коэффициента преступности
в Пермской губернии в 1877–1880 гг.*

Год	Численность населения губернии	Коэффициент преступности, рассчитанный на основе данных, представленных в источнике (КП1)	Коэффициент преступности, рассчитанный на основе скорректированных данных (КП2)
1877	2 382 175	61,5	72,0
1878	2 403 154	66,0	76,3
1879	2 439 134	130,5	79,7
1880	2 476 876	72,9	–

* Подсчитано по: Обзор Пермской губернии за [1877–1880] год. Пермь, [1877–1880].

Численность населения губернии в 1877, 1878 и 1879 гг. рассчитана путем последовательного вычитания годового прироста населения из значения численности населения в 1880 г., указанного в «Обзоре». Расчет величины КП за более ранний период на данном этапе исследования оказался невозможен из-за отсутствия данных о численности и ежегодном приросте населения в материалах «Обзоров», размещенных на сайте Исторической библиотеки. КП1, рассчитанный на основе данных, извлеченных из источника, показывает тенденцию к росту количественных показателей уровня преступности, если исключить из рассмотрения данные за 1879 г., являющиеся не вполне

адекватными по указанной выше причине. Динамика значений КП2 также свидетельствует об ухудшении криминальной обстановки. Представляется, что более определенно направленность эволюции региональной преступности можно будет выявить в ходе исследования более длительных хронологических периодов.

Порядок полученных значений КП соответствует результатам расчетов данных показателей, представленных в сборнике материалов «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет», который был подготовлен статистическим отделением министерства юстиции в 1890-х гг. Так, средний показатель коэффициента преступности за 1890–1894 гг. составил для района Екатеринбургского окружного суда 74,8, а для района Пермского окружного суда – 57,3. При этом показатели по Пермской губернии значительно превосходят среднее значение коэффициента преступности по губерниям европейской части России (49,3) [19]. Приведенные данные относятся к более позднему периоду, но тем не менее дают представление об общем уровне преступности в Пермской губернии на фоне общероссийских показателей. Помимо этого, они показывают, что криминальная обстановка в восточной части губернии была существенно хуже, чем в западной.

Сопоставление гендерных показателей преступности показывает абсолютное доминирование мужской делинквентности (91,9 % осужденных по данным 1870 г. и 92,5 % по данным за 1874–1880 гг.) по сравнению с женской (8,1 % и 7,5 % соответственно).

Возрастная шкала, на основе которой велась статистика преступлений в «Обзорах» на протяжении рассматриваемого периода, менялась. Расчеты на основе данных за 1874–1879 гг. показывают, что наибольшая доля противоправных деяний, совершенных мужчинами, приходилась на лица в возрасте от 21 до 35 лет (48,1 %). На втором месте оказывалась возрастная группа от 35 до 45 лет (26,6 %). Среди показателей женской преступности доминировали осужденные этих же возрастов (50,3 % и 21,7 % соответственно). Однако использовавшаяся в 1870-х гг. возрастная шкала обладала рядом очевидных недостатков: разные по числу лет возрастные интервалы, «пересечения» возрастов на границах интервалов (возрасты 35, 45 и 60 лет оказывались сразу в двух соседних интервалах), а осужденные в возрасте от 66 до 70 лет не попадали ни в один из выделенных интервалов. В «Обзоре» за 1880 г. эти недочеты были устранены. В рамках новой возрастной шкалы при оценке мужской преступности наибольшая доля правонарушений приходилась на возрастную группу от 31 до 40 лет (29,9 %). Однако соседние возрастные интервалы уступали ей несущественно: осужденными в возрасте от 21 до 30 лет было совершено 24,1 % преступлений, а в возрасте от 41 до 50 лет – 23,8 %. В женской возрастной

шкале наиболее криминализированными оказались группы от 21 до 30 лет (29,4 %) и от 31 до 40 лет (28,7 %). Значительная доля преступлений приходилась на группу от 41 до 50 лет (19,9 %).

Материалы «Обзоров» позволяют определить процентную долю преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью. Результаты расчета на основе данных за 1880 г. свидетельствуют о том, что юношами младше 17 лет в рамках показателей мужской преступности было совершено 1,6 % правонарушений, в возрасте от 17 до 20 лет – 13,2 %. Для группы девушек младше 17 лет аналогичный показатель составляет 2,2 %, а для девушек в возрасте от 17 до 20 лет – 11,8 %.

В «Обзорах» отражались также сословные характеристики региональной преступности. Поскольку эта часть данных в «Обзорах» за 1870, 1874 и 1875 г. читается не полностью, были использованы данные за 1876–1880 гг. За эти пять лет окружными судами Пермской губернии было осуждено 5354 лица крестьянского сословия, 382 представителя военного сословия, 349 мещан, 63 дворянина, 52 почетных гражданина и представителя купечества, 2128 лиц «других сословий». Однако абсолютные показатели не дают представления о степени криминальности сословий ввиду существенных различий их численности.

Определить примерное соотношение криминальной активности представителей различных сословных групп можно основываясь на сведениях о численности сословий в Пермской губернии, представленных в результатах переписи населения 1897 г. [20]. При этом предполагается, что соотношение численности сословий в 1870–1890 гг. в регионе существенно не изменялось. Для решения поставленной задачи на основе данных окружных судов за 1876–1880 гг. и материалов переписи была рассчитана условная величина «количество осужденных на 100 тысяч населения» для отдельных сословий (при этом необходимо отметить, что в действительности количество дворян, купцов и почетных граждан в губернии не достигало сотысячного уровня и измерялось гораздо более скромными числами). По данному показателю наиболее криминализированной группой населения оказались купцы и почетные граждане (109 чел.). Равные уровни криминальности были характерны для дворян и мещан (72 чел.). Показатель уровня преступности среди крестьян оказался значительно ниже (38 чел.). Для остальных сословий рассчитать данный показатель на основе рассматриваемых источников не представляется возможным из-за несовпадения градаций сословной принадлежности в «Обзорах» и материалах переписи.

Также можно обратить внимание на значительную долю преступлений, совершенных лицами, отнесенными в «Обзорах» к категории «другие сословия». Они составляют примерно 22 % осужденных в 1876–1880 гг.

До 1877 г. большую часть этой группы составляли осужденные по статьям 950–983 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» за «бродяжничество, укрывательство беглых и нарушения постановлений о паспортах», количество которых указывалось в отдельной строке ведомости № 5. Так, в 1877 г. из 504 лиц «других сословий» указанные обвинения были предъявлены 387 осужденным (76,8 %). С 1878 г. данные по названным статьям переместились в строку «нарушения общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений», однако доля этой категории правонарушителей в общей массе лиц «других сословий» существенно не изменилась. По данным за 1880 г., на показатели из указанной строки приходится 76,4 % осужденных из «других сословий». Таким образом, в графу «другие сословия» по большей части попадали бродяги и беглые.

Под влиянием работ Б. Н. Миронова в постсоветской историографии получил распространение анализ структуры дореволюционной преступности на основе выделения трех групп правонарушений с более дробной градацией внутри каждой группы. К первой группе относятся преступления против общественного и государственного порядка, ко второй – преступления против личности, к третьей – преступления против собственности частных лиц. Б. Н. Мироновым на материалах общероссийской уголовной статистики был сделан вывод об изменении основного объекта противоправных деяний в пореформенный период: если до отмены крепостного права преступная активность была преимущественно направлена против общественного и государственного порядка, то в пореформенные десятилетия – против личности и ее собственности [17, с. 127–129].

Показатели, полученные в результате расчетов на основе материалов «Обзоров Пермской губернии» 1870-х – начала 1880-х гг., соответствуют общероссийской тенденции, выявленной Б. Н. Мироновым. По региональным данным 1874–1880 гг., доля преступлений против общественного и государственного порядка составляет 39,4 % уголовных правонарушений, а доля преступлений против личности и собственности частных лиц – 60,6 %.

Среди противоправных деяний первой группы в 1874–1880 гг. преобладали правонарушения, выявлявшиеся в результате поимки бродяг и беглых (2051 преступление). В «Обзорах» неоднократно отмечалась распространенность бродяжничества в Пермской губернии. Так, в 1870 г. составители этого документа обращали внимание на значительное количество пойманных беглых и бродяг, объясняя эту особенность местной криминальной обстановки географическим положением региона, представляющего собой «перевал из Сибири в Европейскую Россию», а также низкой плотностью населения, обширными лесными пространствами и пустошами. Совокупность этих факторов, по оценке составителей «Обзора», обеспечивала

«более легкую, чем в центральных губерниях, возможность беглым находить в этой губернии приют» [21]. В «Обзоре» за 1874 г. вновь указывалось, что «значительное количество пойманных бродяг и беглых зависит от смежности Пермской губернии с Сибирью» [22]. Как отмечает Д. М. Шиловский, основной причиной большого количества бродяг в Сибирском регионе во второй половине XIX в. была уголовная ссылка, причем бродяжничество, «порожденное ссылкой, само по себе являлось мощным криминогенным фактором» [3, с. 82–83, 86].

Значительное количество преступлений первой группы, зафиксированных в 1874–1880 гг., относятся к подгруппе «оскорбление и неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении должностей» (609 противоправных деяний) и к служебным правонарушениям (427 случаев). Несколько реже совершались «самовольное присвоение власти и составление подложных указов, предписаний и других бумаг» (172 случая) и религиозные преступления (120 случаев).

Среди правонарушений второй группы преобладали убийства (810), нанесение ран, увечий и другого вреда здоровью (671), оскорбления (184). В третьей группе доминировали кражи (2906), достаточно много фиксировалось грабежей (735), случаев уничтожения чужого имущества поджогом или иными способами (376) и разбоя (190).

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что тенденции эволюции криминальной обстановки в Пермской губернии в последнее десятилетие царствования Александра II в основном совпадали с общероссийскими. К особенностям региона можно отнести более высокие показатели коэффициента преступности, чем в большинстве губерний европейской части страны, более сложную криминальную обстановку в восточных уездах по сравнению с западными, распространенность бродяжничества.

Список источников

1. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. с. 47.
2. Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42.
3. Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 251 с.
4. Никитин А. А. Особенности сельской преступности в пореформенный период XIX века (по материалам Симбирской губернии) // Симбирский научный вестник. 2011. № 1 (3). С. 41–46.

5. Безгин В. Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.

6. Петров А. С. Социальный портрет забайкальского вора в последнее десятилетие российского самодержавия // Проблемы гражданского общества и правового государства : сборник статей и материалов. Чита : Забайкальский государственный университет, 2016. С. 86–95.

7. Румянцев А. Г. Преступность на севере Петрограда : 1915 год по отчетам полиции // Петербургские военно-исторические чтения : межвузовская научная конференция. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 85–106.

8. Кузнецов В. В. Состояние преступности в Воронежской губернии в 1900–1915 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 271–279.

9. Данчевская А. В. Социальные характеристики преступности в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20, № 4. С. 667–687.

10. Аксарин В. В. Девиантное поведение в городах Западной Сибири в начале XX в. // Научный диалог. 2020. № 6. С. 355–370.

11. Зарубина К. А., Шевелева С. В. Профессиональная преступность в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. По материалам Государственного архива Курской области // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 130–140.

12. Полищук В. А. Уголовные преступления уральских крестьян (по материалам Екатеринбургского окружного суда) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов I Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 117–124.

13. Попп И. А. Мировой суд Пермской губернии в 1873–1893 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 355 с.

14. Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков : очерки городского быта. Екатеринбург : АМБ, 2014. С. 399–404.

15. Харсеева О. В. Обзоры губерний как источник информации о состоянии преступности в России в XIX – начале XX в. // История, теория, практика российского права. 2017. № 10. С. 125–137.

16. Данчевская А. В. Всеподданнейшие обзоры социального и экономического развития губерний как источник изучения преступности в Восточной Сибири в пореформенный период // Вестник Бурятского научного

центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 38–45.

17. Миронов Б. Н. Российская империя : от традиции к модерну. В 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.

18. Обзор Пермской губернии за 1880 г. Пермь, [1880]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/37962-obzor-permskoy-gubernii-po-godam-perm-1870-1916> (дата обращения: 23.01.2022).

19. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1899. С. 125.

20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб. : ЦСК МВД, 1904. С. 58–59.

21. Обзор Пермской губернии за 1870 г. Пермь, [1870]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/37962-obzor-permskoy-gubernii-po-godam-perm-1870-1916> (дата обращения: 23.01.2022).

22. Обзор Пермской губернии за 1874 г. Пермь, [1874]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/37962-obzor-permskoy-gubernii-po-godam-perm-1870-1916> (дата обращения: 23.01.2022).